

О мотивации действий российской «власти»

В последнее время в научной и общественно-политической литературе наметился «крен» в сторону осмысления государственного управленческого аппарата и высших слоев элит как некоей единой почти метафизической «Власти», представляющей моносубъектно, почти «лично», и обладающей собственными интересами. В целом такой подход кажется достаточно продуктивным, прежде всего с точки зрения выявления мотиваций, которыми руководствуется «Власть». Этим вопросам и посвящена настоящая статья.

Одна из самых главных тенденций в деятельности современной российской властной элиты — это укрепление собственного положения и меры, направленные на усиление управляемости страны, по мнению многих авторов, граничащие с авторитаризмом. Так, А. Ф. Иванов и С. В. Устименко называют российское конституционное устройство «пароконституционным», основанным «на принципе самодержавной власти и номенклатуре». Существующие «органы» (Совет безопасности, Госсовет, Общественная палата, полномочные представители президента) дублируют, соответственно, правительство, Совет Федерации, Госдуму, губернаторов. На уровне же реальных механизмов управления складывается номенклатура, которая «еще только формируется на основе территориальной (землячество, или “питерские юристы”) и корпоративной (причастность к “спецслужбам”, или “питерские чекисты”) общностей». В целом прослеживается стремление «высшей власти» в лице действующей бюрократии «монополизировать политическое пространство и как следствие — электоральную поддержку»¹. И достижения на этом пути очевидны.

Чтобы понять мотивацию действий «Власти», напомним о ситуации рубежа 1990—2000-х годов — времени начала проведения «нового курса». То был период видимого обществом провала либеральных реформ 1990-х, кризиса доверия к власти, политическим институтам, уровня управляемости страной в целом и т. д. Сформировался общественный запрос на «сильную руку». В этих

¹ А. Ф. Иванов, С. В. Устименко. Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства. — «ПОЛИС». 2007. № 5. С. 57, 56, 60, 66.

обстоятельствах для властных элитных групп возникла реальная возможность утраты контролируемых ими ресурсов, в том числе из-за проявления элементов внутреннего противостояния между элитами Центра и регионов, а также в силу наличия потенциальной возможности социальных потрясений. В этих условиях элитам необходимо было укрепить собственные ряды во имя сохранения власти над обществом и единства страны.

Осознавая эти опасности и проблемы, они, во-первых, консолидировались, во-вторых, стали больше уделять внимания социальным проблемам, «закрыли» возможности для самопроизвольного волеизъявления населения и, в-третьих, выстроили «вертикаль власти». Три означенных направления политики «Власти» и стали основой для ее политического курса в период после 2005 года. Он сложился в результате консенсуса элит (правда, не без некоторого нажима «сверху»). Другая значимая тенденция в действиях «Власти» — постепенное выдавливание оппозиции: так, если «на протяжении 1990-х годов оппозиционные силы (сперва антикоммунистического, а затем коммунистического толка)

² В. Я. Гельман. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? — «ПОЛИС». 2004. № 4. С. 52.

оказывали структурирующее воздействие на “спрос” и на “предложение” на российском политическом рынке, то в 2000-е годы они не просто уступили место более успешным игрокам, но и, по сути, начали “вымирать”...»². В целом следует признать: на рубеже столетий в ситуации перманентного кризиса у власти просто не было другого выбора, кроме «выдавливания» оппозиции, мобилизуя потенциал поддержки «сильной руки». Подобная стратегия представляется наиболее простой и рациональной из потенциально возможных.

³ В. В. Петухов. Демократия участия в современной России. — «Общественные науки и современность». 2007. № 1. С. 78.

В этом и заключался мотив проводимой политики. Третье направление в действиях «Власти» можно обозначить как «неучтение (слабое учтение) мнений россиян и особенностей российского общества»³. В научной литературе бытует мнение, будто ни одно из значимых ныне политических движений не отстаивает интересы населения страны. Причем этому вовсе не противоречит приведенное выше утверждение: власть опасалась спонтанных социальных движений в случае кризиса и мобилизации протестного потенциала граждан. Внешний парадокс объясняется просто: ведь массы не стали «значимой группой», их протест не проявил себя достаточно ощутимо. К тому же властные элиты в целом обладают гораздо большими ресурсами, чем остальное общество, которое к тому же недостаточно едино и организовано, является «расколотым», а потому не может адекватно отстаивать свои интересы. Таким образом, власть и здесь действовала, исходя не из злого умысла, а из объективных социальных и психологических закономерностей.

Теперь перейдем к рассмотрению некоторых весьма существенных особенностей современной ситуации в России, оказывающих заметное влияние на положение в стране. Принято считать, что на него более всего воздействуют макроэкономическая ситуация, уровень политической стабильности,

противоречий в обществе и т. п. Мы же рассмотрим несколько иные «параметры». Первый из них — особенности построения вертикальных договоров в обществе.

В. А. Дубовцев и Н. С. Розов рассматривают так называемый феномен «русской власти» — постоянно существующего и после каждого кризиса восстанавливающегося в России фактического самодержавия⁴. В качестве одного

⁴ См. В. А. Дубовцев, Н. С. Розов. Природа «русской власти»: от метафор — к концепции. — «ПОЛИС». 2007. № 3.

их объяснений авторы предлагают концепцию «вертикальных договоров», а именно: неких двух образцов поведения (один — для элиты, другой — для народа), основанных на некоем негласном соглашении или образце. Элита и народ приемлют свои образцы, и для каждого из этих двух акторов приемлем образец поведения другого в том смысле, что каждый из двух образцов — иной, но они дополняют друг друга.

Делая каждый «свое дело», элита и народ действуют в целом в одном направлении, что, по мнению тех же авторов, прослеживается применительно и к царскому, и к советскому, и к постсоветскому периодам⁵. Поговорим об этом подробнее. Дело в том, что тот или иной вертикальный договор действует в любом обществе. Он может носить различный характер — общие цели, характер компромиссного сосуществования и т. д. Но особенностью России является выраженный «раскол» между элитами и народом. В царское и советское время он компенсировался целью, единой для элиты и народа, то есть был целевым. Ныне же в ситуации сохраняющегося раскола договор меняется: из целевого он переходит в форму компромиссного сосуществования.

⁵ См. там же. С. 14, 15.

Расколотое общество, в котором эффективное взаимодействие частей возможно только в ситуации высокого уровня материального изобилия, высокого традиционализма (когда «низы» подчиняются «верхам» «по умолчанию») или масштабной социальной мобильности, никак не соответствует характеристикам небогатой, рационализированной и достаточно нестабильной России. В этих условиях существующий договор представляется недостаточно адекватным, поскольку не обеспечивает эффективного единства общества «искусственно», тогда как таковое остается расколотым «естественно». Именно эта особенность задает тон многим негативным явлениям в стране: индивидуализму, который приводит в соответствие с целями всего социума по большей части посредством налоговой и правоохранительной систем, слабости патриотизма, пассивности населения и т. д. Выход видится в преодолении раскола и установлении договора иного типа, который обеспечивал бы единство страны и возможность для развития и прогресса⁶.

⁶ См., например: А. С. Ахнезер. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Словарь. Т. 1. «От прошлого к будущему»; Т. 2. «Теория и методология». Новосибирск, 1997, 1998.

Следующая особенность современной России — острота проблемы непрофессионализма. В ситуации нестабильности и неопределенности в обществе упал спрос на профессионалов. Кроме того, продвижение по карьерной лестнице легче осуществлять благодаря общим способностям и личным связям,

а не узкоспециализированным знаниям и умениям. Это препятствует эффективному совмещению личных и общественных интересов, переходу от кратковременных к долговременным стратегиям в рамках общества и государства, увеличению в обществе ресурса социального доверия — одного из оснований реальной демократии.

Еще одна особенность современной ситуации — доминирование групп, построенных на принципах корпоративной солидарности, взаимовыручке, противопоставлении «свои—чужие», значительных полномочиях лидера, приоритете собственных и групповых интересов над интересами общества, других групп и отдельных лиц, не относимых к «своим», конфликтном способе взаимодействия и т. п. Опасно и то, что подобные группы обладают самостоятельностью, то есть способны реализовывать свои интересы посредством общества. Примером таковых являются многие бизнес-группы, спецслужбы, криминалитет и т. п. Подобные группы, в целом успешные в экономике и социальной сфере, способные влиять на власть на различных уровнях, распространены достаточно широко. Своим существованием они препятствуют образованию институтов гражданского общества (да и демократии вообще). Кроме того, правовая система начинает выстраиваться под потребности этих групп или, во всяком случае, обслуживает их интересы гораздо эффективнее, чем таковые остальных граждан. Собственно говоря, аналогичная ситуация существует везде и всегда, но при выходе за определенные рамки (а выход осуществлен) она грозит стать препятствием саморазвития общества.

Еще одна особенность связана с проблемой неадекватности оппозиции социальной ситуации и власти. То, что оппозиция в России оказалась в весьма неблагоприятных условиях, отмечает, в частности, В. Я. Гельман. Но проблема усугубляется наличием в стране слабовыраженной конструктивной оппозиции, а в политической области она отсутствует практически полностью. Если оппозиция 1990-х была по большей части политической и конфликтующей, то оппозиция 2000-х — практически вся интеллектуальная и отрицающая. Но в любом случае отсутствует оппозиция, которая занималась бы разработкой практически пригодных альтернативных моделей развития страны.

Перейдем, однако, к проблеме характера существующей политической системы. Происходящее в России с начала 1990-х по сей день есть своего рода реформирующая модернизация. В данном случае мы разделяем представляющую нам адекватной оценку В. И. Пантина, согласно которой в нашей стране традиционно «испытывающие дефицит времени и средств, теряющие социальную поддержку реформаторы все больше рассчитывают лишь на силу государ-

⁷ В. И. Пантин Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С. 196–197.

ственного аппарата и тем самым окончательно отчуждаются от общества. Государственная же бюрократия лишь выжидает благоприятный момент, чтобы избавиться от ставших ненужными реформаторов и перейти к курсу контрреформ»⁷.

И далее: «Модернизация в России на каждом своем витке в целом развивается по общей схеме, которая включает оппозиции “реформы—контрреформы”, “либерализм—закрепощение”, “сотрудничество с Западом—⁸ Там же. С. 191. противостояние Западу” и т. п.»⁸

Тем не менее ясно: усиление власти на рубеже 1990—2000-х годов — это лишь внешняя форма; консолидация элит — сопутствующий процесс, а установление жесткого контроля над регионами — следствие. Все это — проявления единого процесса — концентрации власти, обусловленного следующими факторами (ранее мы уже указывали на их роль):

Первый фактор — положительный опыт концентрации власти, мобилизации на этой основе. Он фиксирует наличие в обществе наиболее приемлемого образца социального устройства и включает две составляющие: 1) предшествующий достаточно масштабный факт объединения власти в одном центре, в результате чего достигался эффект, положительно оцениваемый всем обществом или его весьма значительной частью и связанный с видимыми успехами; 2) преимущественно иерархическую структуру организации, «приходящей» к власти.

Второй фактор — низкая цена подавления соперников. Он выражает возможность одной из значимых групп в данном социуме ликвидировать сопротивление других групп и «навязать свою волю» обществу. Определителем фактора является следующая ситуация: когда указанная группа обладает либо критической массой ресурсов, либо «ключевым ресурсом», с помощью которого возможно взять власть без значительных потерь.

Третий фактор — стесненность области социальных взаимодействий. Он усиливает процессы социально-политической эволюции в данной области и предполагает два варианта: 1) в рамках политической сферы общества оформляется несколько групп, которые делят ее без остатка, не могут совершать «политические маневры» без ущерба друг другу (игра с «нулевой суммой») и имеют значительную поддержку в социальной, экономической сферах, то есть делят их между собой, когда данные группы концентрируют большинство всех ресурсов общества; 2) указанные группы находятся в состоянии конфликтного взаимодействия друг с другом. Оба эти фактора наличествовали в социальной ситуации конца 1990-х — начала 2000-х, когда обозначилась тенденция к концентрации власти. В социальной реальности они присутствуют и сейчас.

Означенные факторы являются необходимыми и достаточными. Необходимыми, поскольку присутствуют во всех случаях появления и усиления тенденции к концентрации власти; достаточными, так как все иные возможные причинные факторы в реальных случаях могут как присутствовать, так и отсутствовать (то есть не являются значимыми). Тенденция к концентрации власти фиксируется только при наличии всех трех перечисленных. Степень выражения описанной тенденции зависит от того, насколько будут представлены указанные факторы.

В результате сочетания объективных факторов в России произошла концентрация власти, выражением чего стало усиление государства. Концентрация власти есть основание и возможность для трех направлений действий властей, рассмотренных в первой части статьи. Сознательные действия властных элит есть выражение объективных тенденций, а потому не противоречат друг другу и должны рассматриваться в единстве. В результате рассмотрения мотивации действий власти, особенностей социально-исторической ситуации в стране и причинных факторов, приводящих к масштабным социальным изменениям, становится ясно: то, что на первый взгляд управляет ситуацией и определяет ее, составляет всего лишь часть значимых обстоятельств, кроме которых есть еще множество других, не менее значимых, которые необходимо учитывать в процессе анализа.

